



Title	Зна л ли Д ай ко ку я Ко да ю ру с с к и й я з ы к ? (Лингвопрагматический анализ книги Кацурагавы Хосю "Хокуса бунряку")
Author(s)	Бондаренко, Иван П.
Citation	Acta Slavica Iaponica, 12, 205-228
Issue Date	1994
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/8072
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034033.pdf



Знал ли Дайкокуя Кодаю русский язык?
(Лингвопрагматический анализ книги Кацурагавы Хосю
“Хокуса бунряку”)

Иван П. Бондаренко

В 1697 году русский царь Петр I, чтобы овладеть искусством кораблестроения и создать в России военный флот, инкогнито, под именем Петра Михайлова, уехал в Западную Европу и почти год провел на верфях Англии и Голландии, работая вместе с группой своих подданных, ставших впоследствии первыми русскими матросами и корабле-строителями, простым корабельным плотником. Естественно, что никто из них, кроме царя, никаким иностранным языком до этой поездки не владел. Но когда через несколько лет князь Львов, который по поручению Петра занимался отправкой русских юношей-дворян в Европу для ознакомления с ремеслами и науками, обратился к царю с письмом, спрашивая его, как быть с теми, кто не знает иностранных языков, Петр ответил коротко и ясно: **“Как матросы русские выучились, таким образом и оным учиться”**(1, стр. 43).

Почти 100 лет спустя японским мореплавателям, потерпевшим кораблекрушение у берегов Амчитки (Алеутские острова), среди которых был и Дайкокуя Кодаю, капитан корабля **“Синсё мару,”** точно так же пришлось овладевать русским языком, поскольку это стало для них необходимым условием выживания в чужой стране и единственной надеждой возвращения на родину. Волею судьбы оказавшись в России, Кодаю не только самостоятельно овладел русским языком, но и при помощи ученых того времени после возвращения в свою страну создал несколько русско-японских и японско-русских словарей, ставших ценнейшим материалом для научных исследований многих японских русистов. Их отношение ко всему, что связано с именем Кодаю, в частности, то внимание и почтение, с которым они относятся к рукописи Кацурагавы Хосю **“Хокуса бунряку,”** в которой были описаны приключения потерпевших кораблекрушение и их почти десятилетние скитания по России, сравнимо лишь с отношением русских филологов к **“Слову о полку Игореве”** или к творческому наследию А. С. Пушкина. Актуальность этих исследований очень велика еще и потому, что многие из рукописей, содержащих в себе данные двуязычные словари, в силу самых различных причин были обнаружены японскими учеными лишь в последние десятилетия. В России же эти издания известны только узкому кругу востоковедов, а на русский язык полностью переведена лишь книга Кацурагавы Хосю **“Хокуса бунряку,”** изданная в Москве в 1978 году издательством “Наука” тиражом 3000 экземпляров (2).

Однако не только структура построения словаря (русско-японский словник), который содержит в себе XI глава рукописи **“Хокуса бунряку”**

под названием **“Язык,”** информационная насыщенность предыдущих глав и возможность прочтения данной книги на русском языке обусловили наш выбор **“Кратких вестей о скитаниях в северных водах”**(как удачно, по мнению академика Н. И. Конрада (2, стр. 18), превел японское наименование **“Хокуса бунряку”** на русский язык автор русскоязычного издания В. М. Константинов, из-за возможности разночтения начального иероглифа употреблявший название **“Хокуса монряку”**) в качестве основного материала для настоящей статьи.

Среди всех известных на сегодняшний день русско-японских и японско-русских словарей, созданных при содействии Кодаю :

-**“Россия мондзисю,”** написанном в 1796 г. Гэнъю или Минамото Ари и изданном Камэи Т. и Мураямой С. в 1967 г., содержащем преимущественно русские имена собственные (антропонимы, топонимы, астрономимы), записанные, по всей видимости, Кодаю в его дневнике во время пребывания в России, т.е. своего рода **“русский ономастикон Кодаю”**(Токио: Ёсикава кобункан, 1967);

-**“Россия бэнго”**(год создания и автор неизвестны), изданном Камэи Т., Мураямой С. и Накамурой Ё. в 1972 году и содержащем, по нашим подсчетам, 1321 русское слово (Токио: Кондо, 1972);

-**“Россия горуй”**(**“Оросия гооъто”**), написанном чиновником строительного управления Танабэ Ясудзо по поручению своего начальника Мацудаира Саданобу, предположительно, зимой 1792-93 года, т.е. сразу же после возвращения Кодаю из России, содержащем 1107 слов и изданном в 1985 г. Каваи Таданобу (Нара: Тэнри, 1985);

-**“Россия киго”**(год создания и автор неизвестны), практически полностью повторяющем лексикон и структуру XI главы из книги Кацурагавы Хосю **“Хокуса бунряку,”** но содержащем, по нашим подсчетам, на 61 словарную статью больше, то есть всего 1322 слова и выражения (копия рукописи, которой мы пользовались в процессе работы над статьей, хранится в библиотеке университета Тэнри под номером 666609, а оригинал – в Библиотеке кабинета министров Японии **“Найкаку-бунко”**(Токио));

- и **“Хокуса бунряку”**; – русский лексикон именно последней книги является наиболее полным, поскольку помимо названной главы, в которой насчитывается 1261 словарная статья, еще около 900 русских слов с переводом или объяснением включены автором непосредственно в текст предыдущих глав. Поэтому данная рукопись и представляется наиболее интересной для лингвопрагматического анализа. Хотя самым оптимальным материалом для нашего исследования можно было бы считать лишь полный сводный список всей русской лексики, которой Кодаю овладел самостоятельно в условиях русской языковой среды, составленный на базе всех имеющихся в нашем распоряжении словарей, что со временем мы и планируем сделать.

Тем не менее, детальный анализ даже одного словаря из **“Хокуса бунряку”** с привлечением некоторых количественных и качественных

характеристик других словарей, составленных при помощи Кодаю, позволяет, на наш взгляд, ответить на некоторые вопросы, представляющие несомненный научный интерес, но еще не получившие на сегодняшний день исчерпывающих ответов.

Вопрос, вынесенный нами в заглавие статьи, конечно же, является риторическим. Кодаю, безусловно, владел русским языком, о чем свидетельствует уже сам факт существования перечисленных выше словарей, созданных при его непосредственном участии. Но насколько хорошо он им владел, каким был объем и качественный состав его словарного запаса, каким способом и при помощи каких приемов самостоятельно семантизировали и усваивали японские моряки русские слова, каковы причины некоторых семантических неточностей и ошибок, которые допускал Кодаю при переводе русской лексики на родной язык — эти и многие другие вопросы еще ждут своих исследователей. Данная статья представляет собой лишь первый, и мы бы сказали — пробный, шаг в этом направлении.

Чтобы объективно ответить на главный вопрос — насколько хорошо владел Кодаю русским языком, мы должны прежде всего получить ответ на второй из поставленных нами вопросов: каким был объем и качественный состав его активного словарного запаса?

Кроме того, очень важны для оценки уровня владения Кодаю русским языком те довольно многочисленные, но, к сожалению, очень разрозненные записи, сделанные его собственной рукой на русском языке, которые удалось обнаружить японским и русским исследователям. В первую очередь — это русскоязычные вставки в рукописях словарей, например, фамилии, имена и отчества русских людей, с которыми был знаком или общался Кодаю в России, в “Росия мондзисю”; адрес, написанный Кодаю по-русски на одном из многочисленных писем, которые он безуспешно пытался передать из России в Японию, хранящемся в настоящее время в библиотеке Гёттингенского университета в Германии (точно известно, что только на имя Сирокоя Сэйэмона, жившего в Эдо (г. Токио) по адресу: ул. Хонфуна-тё 17, он отправил 5 писем (2, стр. 391)); пометки, сделанные им по-русски на обложках и полях японских книг, подаренных Кириллу Лаксману и хранящихся в настоящее время в Петербургском отделении Института востоковедения АН России (3, стр. 17-18), и некоторые другие.

Чрезвычайно интересными в этом плане представляются и оценки знания Кодаю русского языка, сделанные людьми, слышавшими его русскую речь в те далекие времена и оставившими письменные свидетельства об этом.

Но прежде всего зададимся вопросом: действительно ли Кодаю и его товарищи по несчастью изучали русский язык самостоятельно, семантизируя и усваивая русскую лексику непосредственно из языковой среды в процессе общения с носителями русского языка?

В романе Ясуси Иноуэ “Сны о России,” написанном на основе документов, есть интересный эпизод, когда Кодаю, отвечая на предложение Трапезникова и Татарина возобновить деятельность школы японского языка в Иркутске и работать в ней в качестве преподавателей, говорит:

“...чтобы обучать японскому языку, надо овладеть русским. Нам необходимо серьезно заняться русским языком — до конца года, когда мы предполагаем получить ответ (речь идет об ожидании ответа из Петербурга на их прошение о возвращении на родину, - И. Б.), для этого как раз есть время.

Трапезников и Татарин согласились с Кодаю. Они выразили готовность заниматься с японцами русским языком и стали приходить к ним чуть ли не каждый день. Кодаю прилежно занимался сам и приказал заниматься Коити и Кюэмону. Синдзо, Сёдзо и Исокити, вполне овладевшие к тому времени русской разговорной речью, в обучении не нуждались. Спустя месяц Кюэмону и Коити занятия порядком надоели, и они все чаще стали пропускать их под разными предлогами. Лишь Кодаю продолжал изучать русский язык с неослабевающим рвением. Он понимал, что это понадобится ему, если придется провести в России остаток жизни, независимо от того, станет он преподавателем или займется чем-либо другим.

Пока остальные японцы забавлялись по вечерам игрой в японские шахматы — фигуры они выстругивали из березы, — Кодаю до поздней ночи зубрил русский язык. Он хотел как можно быстрее научиться читать русские книги. Многие его спутники ушли за эти годы в мир иной, и, если ему тоже предопределено судьбой умереть на этой земле, он хотел бы больше знать о ней и о людях, ее населяющих”(4, стр. 128).

Однако, кроме данного художественного отрывка, в котором речь идет уже о седьмом годе пребывания японцев в России, т.е. когда они, по нашему глубокому убеждению, уже достаточно хорошо владели русским языком, каких-либо документальных свидетельств тому, что японцев кто-то специально обучал русскому языку, ни в “Хокуса бунряку,” ни в других первоисточниках не встречается. Наоборот, в той же “Хокуса бунряку” есть эпизод, в котором Кодаю рассказывает Кацурагаве Хосю о том, каким образом они постепенно начали овладевать чужим языком:

“Прошло уже больше полгода, как (они) попали на этот остров, а языка все еще не понимали. Иногда русские, смотря на одежду и вещи потерпевших кораблекрушение, говорили: “Это тёва”(“это чево?” - И. Б.). И хотя эти слова застряли (у них) в ушах, было непонятно, что они означают: то ли “мне хочется получить это,” то ли “это плохое” или “хорошее,” или же они насмеялись, говоря, что “это грязное.”

И вот однажды Исокити решил, что каков бы ни был смысл этих слов, станет понятно, если мы сами попробуем применить их. И, показав на котел, как раз в это время находившийся рядом, сказал: “Это тёва,” — ему ответили: “Котёу.” И тут стало понятно, что эти слова означают вопрос:

“Это что такое?” И с тех пор они стали записывать все, что слышали, постепенно запоминать слова и начали немного говорить”(2, стр. 65).

В этой связи возникает довольно интересная параллель с японским ученым-лингвистом **Киндайти Кёусукэ** (1882-1971), много лет прожившим среди коренных жителей Хоккайдо – айну, самостоятельно изучившим и описавшим язык этого народа, его мифологию и фольклор. Хрестоматийным стал пример, приводимый в Японии почти во всех школьных учебниках по родной речи, в котором описывается, как **Киндайти** узнал первые слова языка айну: начертив на земле непонятные для местных ребятишек иероглифы и вызвав тем самым их любопытство, он услышал вполне закономерный в данной ситуации вопрос: “Что это?,” ставший для ученого, как в свое время и для японских мореплавателей, своеобразным ключом к чужому языку.

Дальнейшие события, изложенные в “**Хокуса бунряку**” со слов **Кодаю**, также свидетельствуют о том, что японцы, хотя и с трудом, но вполне самостоятельно овладевали русским языком и уже к концу своего пребывания на Амчитке достаточно хорошо его усвоили, особенно сам **Кодаю** и **Исокити**. А, возможно, не только русский, но в какой-то степени и язык коренных жителей Амчитки – алеутов. По крайней мере, некоторые косвенные свидетельства этому можно найти на страницах анализируемой нами книги (2, стр. 103).

Первые же полгода японцы, не зная ни слова по-русски, объяснялись (и, что любопытно, – вполне успешно) при помощи невербальных средств общения (жестов, мимики, телодвижений и т.п.), активно используя их как для передачи, так и для получения нужной информации.

Известно, что системы паралингвистических компонентов речи, а вернее – их семантика, в разных языках различны, в том числе, и система невербальных средств японского языка довольно существенно отличается от паралингвистической системы русского языка. Тем не менее, взаимопонимание между русскими и японцами, если судить по содержанию рукописи **Кацурагавы Хосю**, достигалось уже с первых минут их общения. По всей видимости, экстремальность положения, в котором оказались японские моряки, объективная ограниченность и прогнозируемая обусловленность коммуникативных ситуаций, как и определенная знаковая универсальность паралингвистических компонентов общения во всех языках мира, что, по мнению **И. Н. Горелова**, является доказательством “примарности (т.е. первичности, - **И. Б.**) авербального способа коммуникации” в целом (5, стр. 24), позволяли им отвлекаться от специфических особенностей невербальных средств чужого языка и в каждом жесте, выражении лица или телодвижении чужеземцев правильно определять доминирующий семантический признак. Тема использования **Кодаю** и его товарищами паралингвистических компонентов в процессе общения с русскими людьми – чрезвычайно интересна и достойна отдельного исследования. Книга **Кацурагавы Хосю**

предоставляет исследователю в этом плане очень богатый и содержательный материал. Мы же позволим себе весьма кратко остановиться на этой проблеме по двум причинам. Во-первых, адекватное владение невербальными средствами общения на иностранном языке, которые являются полноценными компонентами процесса коммуникации, это важный показатель уровня владения данным языком в целом, что имеет непосредственное отношение к теме нашей статьи. А во-вторых, сам факт использования или неиспользования в речи невербальных компонентов коммуникации, их доминирование, постепенное уменьшение, а затем и полное устранение из процесса общения (по крайней мере, исчезновение упоминаний об их активном использовании в тексте “**Хокуса бунряку**”) позволяют нам довольно точно установить хронологию перехода японцев на русский язык как главный и единственный инструмент общения, т.е. определить время достижения ими достаточного для коммуникативной деятельности уровня владения русским языком.

Важно отметить и то, что структура, семантика и символика паралингвистических компонентов общения, с помощью которых японцы и русские объяснялись на первом этапе своего знакомства, с течением времени постепенно усложнялись. Активно использовались не только жесты и мимика, но и схематические рисунки, символы и т.п. Приведем в хронологическом порядке некоторые характерные примеры из рукописи Кацурагавы Хосю, иллюстрирующие наши наблюдения:

1. “Они стали что-то говорить, но на каком-то непонятном языке. Однако Кодаю подумал: если они тоже люди и если их натура такая же, как и у нас, то у них должно быть корыстолюбие. А если у них есть хотя бы корыстолюбие, то уж мы сможем как-нибудь дать им понять, чего мы хотим, и Кодаю **попробовал протянуть им несколько монет. Они охотно взяли их. Тогда он достал хлопчатобумажное полотно. Они с радостным видом схватили его и, подойдя совсем близко к Кодаю, потянули его за рукав с таким видом, будто хотели сказать: “Пойдем с нами!”**(2, стр. 57).

2. “Все пятеро перепугались, но те двое подошли к ним и стали их успокаивать, глядя по плечам и по спине. Стали говорить что-то, и хотя слова и были совершенно непонятны, но жесты их говорили: **“Пойдемте сюда!”**(2, стр. 57).

3. “Пока то да се, а день прошел, и они проголодались. Тогда они стали показывать на рот и хлопать себя по животу”(2, стр. 58).

4. “Гнев на лице русского начальника смягчился, и, обращаясь к двум оставшимся японцам, он что-то сказал, сложив пальцы так, что ноготь большого пальца плотно прижался к концу указательного. По его виду и без слов можно было понять, что ничего плохого они нашим не сделают”(2, стр. 59).

5. “Тут к ним опять подошел прежний старик, принес кожаную одежду и знаками показал, чтобы они ложились спать”(2, стр. 60).

6. “Они хотели узнать, куда же ушли остальные трое. Беспокоило их также, что происходит на берегу, где сошли с корабля, и они сказали, что хотят сходить туда. Но, поскольку сначала их слов не поняли, они стали **объяснять разными знаками, показывая пальцами в сторону корабля, приглашая взглянуть туда. Наконец их поняли и стали кивать головой**”(2, стр. 61).

7. “...желая узнать, когда придет за ними корабль с соотечественниками, наши **показывали им суда или изображали жестами паруса. Русские, очевидно, поняли смысл этих жестов, потому что нарисовали двадцать четыре кружочка, а над ними изобразили полумесяц. Кодаю и другие моряки все собрались и старались угадать, что это значит. Некоторые думали, что корабль придет через двадцать четыре дня, другие же считали, что через двадцать четыре месяца. Как бы там ни было, стали жить в ожидании этого дня. Но время шло, а о корабле ничего не было слышно. Тогда снова посоветовались и решили, что теперь уже ясно, что **кружки означали двадцать четыре месяца**”(2, стр. 63).**

Характерно, что после этого эпизода, относящегося к началу второго года жизни японских моряков на Амчитке, упоминаний о жестах и мимике как способах их общения с русскими людьми в тексте рукописи больше не встречается.

Таким образом, первые полгода — год японцы, не зная русского языка, обходились невербальными коммуникативными средствами, позволявшими им, хотя и с трудом, но получать и передавать жизненно важную информацию. В “**Хокуса бунряку**” описаны далеко не все случаи подобного общения японских моряков с русскими, но мы можем предположить, что в течение первого года пребывания Кодаю и его товарищей на Амчитке таких ситуаций было множество. Семантическая, а следовательно, и коммуникативная ограниченность невербальных средств общения, безусловно, затрудняла процесс взаимопонимания русских и японцев, постоянно подталкивала последних к мысли о необходимости изучения русского языка. Но уже сам факт, что почти год японские моряки обходились без знания языка и выжили в столь экстремальных условиях, свидетельствует о значительных коммуникативных возможностях паралингвистических компонентов речи.

Показателен в этой связи пример, описанный русским ученым-этнографом Н. Н. Миклухо-Маклаем, который, подобно Кодаю и уже упомянутому выше японскому исследователю Киндайти Кёусукэ, живя и общаясь с папуасами Новой Гвинеи, постепенно усваивал их язык. Но вначале, когда Н. Н. Миклухо-Маклай еще не знал в достаточной степени чужого языка, аборигены и сам ученый широко использовали мимику и жесты для передачи друг другу разнообразной, порой — довольно сложной и даже абстрактной информации:

“Между тем приходил мой доброжелатель Туй и своей выразительной мимикой старался объяснить, что когда корвет (корабль, - **И. Б.**) уйдет

(при этом он указывал на корвет и далекий горизонт) и мы останемся втроем (он указал на меня, Ульсона и Боя и на землю), придут из соседних деревень туземцы (указывая на лес и как бы называя деревни), разрушат хижину (тут он подошел к сваям, делая вид, как бы рубит их) и убьют нас копьями (тут он выпрямился, отставил одну ногу назад и, закинув правую руку над головой, имел вид человека, бросающего копье: затем подошел ко мне, толкнул меня несколько раз в грудь пальцем и, наконец, полузакрыв глаза, открыв немного рот и высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю: те же мимические движения он проделал, указывая поочередно на Ульсона и Боя)"(6, стр. 18-19).

Итак, если судить по воспоминаниям Кодаю, ни о каком специальном обучении японцев русскому языку не было и речи, за исключением, быть может, лишь русского алфавита и элементарных правил чтения, хотя по версии Ясуси Иноуэ, и это японцам пришлось усваивать самостоятельно:

"С января и до самой весны запоминал Кодаю слова, надоедал иноземцам, упрашивая их записывать названия предметов своими буквами. Вечерами, словно зачарованный, глядел на эти загадочные письмена, пытаюсь разгадать их смысл.

...Он был погружен в свою работу, и помогал ему один лишь Исокити. Исокити выписывал из слов одинаковые буквы, по несколько раз уточняя их произношение"(2, стр. 40).

Тем не менее, косвенные свидетельства тому, что русские все-же оказывали японцам определенную помощь в процессе овладения ими русским языком, в частности, помогали обучаться русскому письму, мы находим непосредственно в самом словаре "Хокуса бунряку": "гирамато" (грамота) – "с ё к а н"(письмо, грамота)(здесь и далее вразрядку приводится перевод Кодаю русских слов на японский язык, а затем, в скобках, обратный перевод на русский, сделанный В. М. Константиновым, - И. Б.)(2, стр. 282), "письма"(письмо) – "м о д з и"(буквы)(2, стр. 283), "адзубуки"(азбука) – "вроде нашей и р о х а"(2, стр. 283), "терини" (чернила) – "с у м и"(тушь)(2, стр. 283), "теринийка, тириница" (чернилка, чернильница) – "с у м и ц у б о"(тушечница)(2, стр. 283), "пэра"(перо) – "т о р и-н о х а-н о ф у д э"(кисть для письма из пера птицы)(2, стр. 283), "бумака"(бумага) – "к а м и"(бумага)(2, стр. 283), "дзукиппу"(сгиб) – "к а м и-н о о р и м э"(сгиб бумаги)(2, стр. 283), "хоросё писёто"(хорошо пишет) – н о с ё (хорошее письмо, хороший почерк, каллиграф)(2, стр. 283), "топэри утти нэсабо"(теперь учи не забыл) – "и м а о с и э т а р у к о т о-о о б о э т а-к а"(запомнил, что сейчас учили)(2, стр. 308), "посяруй писсатэ"(пожалуй, писать) – "д о д-з о к а и т э к у д а с а р э"(пожалуйста, напишите)(2, стр. 319) и некоторые другие.

И все же, в основном, японцы усваивали русский язык самостоятельно, черпая лексику непосредственно из языковой среды, очень редко прибегая к прямой помощи русских. Наиболее красноречивым подтверждением

этого являются сами словари, составленные при содействии Кодаю. Практически все они буквально изобилуют:

а) просторечными конструкциями типа: “это тѣва”(это что)(2, стр. 309), “это будзецу”(это будет — довольно, достаточно)(2, стр. 309), “эсйтэ охота”(есть охота, я голоден)(2, стр. 314), “сйто тэ”(что ты! — это здорово! ловко!)(2, стр. 309), “исё хота”(еще охота — еще хочу)(2, стр. 278), “яя иссё”(я все — я закончил)(2, стр. 314);

б) разговорно-бытовой лексикой: “тяпута”(тряпка)(2, стр. 290), “уэнинка”(веник)(2, стр. 288), “хоросё посиппэра”(хорошо поспела — готова (о пище))(2, стр. 293), “поротибуно”(противно — невкусно)(2, стр. 293);

в) диалектизмами (преимущественно сибирскими): “тиисика”(чишка — большая нужда)(2, стр. 277), “итето”(ичет — икает)(2, стр. 277), “пэссияка”(псывка — чесотка)(2, стр. 277), “усикан”(ушкан — заяц)(2, стр. 296), “сопука”(сопка)(2, стр. 264), “падзэ”(падь — болото)(2, стр. 264), “барабара”(барабара — землянка, изба)(2, стр. 58), “мидзугири”(мизгирь — паук)(2, стр. 296);

г) междометиями: “охо, дзяуко”(ох, жалко)(2, стр. 81), “хо тосукириу”(ох, тоскливо)(2, стр. 322), “аси”(ась?)(2, стр. 316);

д) частицами: “нэ мосино рэ”(не можно ли?)(2, стр. 321), “да-да”(да)(2, стр. 316), “тото тото”(то-то, вот именно)(2, стр. 308)(В. М. Константинов трактует семантику данного звуко сочетания несколько иначе (См: 2, стр. 308)), “такусу”(так-с)(2, стр. 322) и т.п.

Очень многие речевые конструкции приведены в словаре “Хокуса бунряку” в нерасчлененном виде и свидетельствуют о том, что их семантика усваивалась комплексно, в конкретной коммуникативной ситуации и в сознании изучающих язык также часто не расчленялась на отдельные семы. Эти конструкции запоминались японцами целиком и точно в таком же виде в аналогичных ситуациях употреблялись в их собственной речи на русском языке, поэтому и перевод некоторых из них на японский язык дается описательно: “канария, дзикокой”(каналья, дикой) — “так ругают людей”(2, стр. 316), “пасяруй наттясу ододзите судзяэ”(пожалуй, на час одолжите; ссужай) — “в а р э-н и к а с а р э ё”(одолжите мне)(2, стр. 317), “оотэн доуорэсу”(очень доволен) — “а р и г а т о”(спасибо!)(2, стр. 317) и др. Количество этих развернутых речевых конструкций в анализируемом словаре, особенно в разделе “Слова, выражения,” подталкивает нас к мысли о том, что Дайкокуя Кодаю (скорее всего — в первые годы пребывания в России, если судить по характеру грамматического и лексического материала и последовательности его расположения в указанном разделе книги) создавал своеобразный русско-японский или японско-русский разговорник, в котором фиксировал все услышанные от русских и эвристически семантизированные слова, словосочетания и выражения, и который он впоследствии активно использовал уже в процессе своей совместной работы с Кацурагавой Хосю. Беглое замечание о такого рода записках

встречается в **“Хокуса бунряку”**: **“И с тех пор они стали записывать все, что слышали, постепенно запоминать слова и начали немного говорить”** (2, стр. 65). Поэтому не исключено, что когда-то рукопись этого разговорника Кодаю будет обнаружена японскими учеными в государственных исторических архивах, как это случилось в свое время с рукописью **“Хокуса бунряку.”**

О непосредственном усвоении русской лексики из языковой среды свидетельствует также значительное количество зафиксированных в словаре имен существительных, прилагательных и наречий с **уменьшительными и ласкательными суффиксами**, что характерно в первую очередь для русской разговорной речи: **“тонинкой”**(тоненький)(2, стр. 300), **“рёгиникой”**(легонькой)(2, стр. 301), **“гурубуси”**(голубчик)(2, стр. 309), **“бэннясйко”**(бедняжка)(2, стр. 304), **“марёсэнко хородзунай”**(малюсенько холодный)(2, стр. 306), **“нэмоносйка падзяро”**(немножко пожалуй)(2, стр. 310), **“хоросэника мэсите роуно”**(хорошенько вместе ровно)(2, стр. 321) и др.

Об этом же говорит и то, что почти все русские глаголы приводятся Кодаю в **личных формах настоящего и простого будущего времени**: **“купширё”**(куплю)(2, стр. 318), **“пуратёто”**(плачет)(2, стр. 278) или же в **форме повелительного наклонения**: **“сумотёрэ”**(смотри)(2, стр. 278), **“суусяй”**(слушай)(2, стр. 278), **“орободай”**(работай – двигайся, шевелись)(2, стр. 278), **“кусяй”**(кушай)(2, стр. 278) и т.п. При специальном обучении русскому языку даже его обычный носитель обязательно трансформировал бы для иностранцев все эти глагольные формы в исходные.

Хронологию прогресса Кодаю в русском языке в перцептивных (аудирование) и рецептивных (говорение) видах речевой деятельности позволяет проследить также прямая и косвенная речь, включенная в ткань повествования **“Хокуса бунряку”**(высказывания русских людей; дословное цитирование речи японцев, обращенной к русским; диалоги Кодаю с россиянами и т.п.). Постепенно усложняющийся лексический состав этой речи, ее возрастающая информационная насыщенность (от элементарных вопросов и ответов на бытовые темы до научных дискуссий) свидетельствуют о все более глубоком овладении Кодаю русским языком, постоянном расширении им своего словарного запаса. Приведем несколько подобных примеров из **“Хокуса бунряку,”** расположенных в хронологической последовательности:

1. Конец первого – начало второго года пребывания японцев в России (о. Амчитка): **“Тем временем они все лучше и лучше понимали язык и однажды спросили у русских: “Где корабль, на котором вы приплыли сюда?”** Им на это ответили, что корабль развез по окрестным островам приехавших из России и потом ушел на Командорские острова, чтобы собрать шкуры, и остался там”(2, стр. 65).

2. Четвертый год (о. Амчитка): **“Однажды Невидимов сказал Кодаю и его спутникам:**

- Кто знает, когда теперь снова придет корабль. А мы-то так надеялись, что после стольких лет, проведенных на острове, наконец-то вернемся на родину! И вот корабль погиб. Так или иначе, если построить новое судно и перебраться на Камчатку, можно как-нибудь спастись, потому что оттуда тянется суша. Давайте же возьмемся за дело все вместе!”(2, стр. 66).

3. Пятый год (Камчатка): “Однажды один из подчиненных местному начальнику чиновников ... сказал:

- Вы говорите, что родились в Исэ или где-то там и поэтому вы не едите мясо животных. Но если вы будете соблюдать этот запрет в такое время как сейчас, то умрете от голода, только и всего. Так что давайте ешьте это мясо, чтобы хоть как-нибудь выжить, а вот когда будет еды вволю, тогда можете как угодно поступать. Он так обстоятельно разъяснил им их же собственную пользу, что в душе все согласились с ним”(2, стр. 68).

И далее здесь же: “Видя, что наши люди все больше и больше теряют силы и ими овладевает отчаяние, жившие в одном с ними доме люди говорили:

- Потерпите как-нибудь еще немного, голод уже подходит к концу. Вот наступит май, и как только растает лед, будем ловить вволю рыбу и недостатка в пище не будет”(2, стр. 70).

4. Восьмой год (Иркутск): “Так они жили до января года свиньи (1791, - И. Б.), но и после этого никаких вестей больше не приходило. Тогда Кирилл (Лаксман, - И. Б.) сказал Кодаю:

- Очень странно, что так задерживается ответ на твое прошение. Похоже, что кто-то перехватил его по дороге и оно не было доложено императрице. К счастью, я получил приказ отвезти в столицу собранные мною растения и целебные минералы. Скоро я выезжаю, и, по-моему, самое лучшее, если ты поедешь вместе со мной в столицу Петербург и обратишься с просьбой лично к императрице. А я тебе там тоже помогу”(2, стр. 77).

5. Предположительно, седьмой-девятый год: “Кодаю задал Кириллу такой вопрос: “Дикае гуси прилетают и находятся здесь с конца весны и до начала осени, а с осени до весны улетают в юго-восточные страны. Поэтому время, когда дикае гуси находятся в нашей стране и у вас, разное, а ласточки во всех странах прилетают в одно и то же время. Куда же они улетают на осень и зиму, чтобы снова прилететь на весну и лето?” На это Кирилл ему ответил так: “Ласточки не улетают в другие страны, а в тех же странах, где они живут, улетают далеко в горы и впадают в спячку в дуплах деревьев или в пещерах. Поэтому они и появляются в одно и то же время и в вашей стране и у нас. А гуси и утки появляются в разное время потому, что они летят с севера на юг и обратно на север”(2, стр. 253).

Последний из приведенных примеров – это уже не просто обмен информацией, а самый настоящий научный диспут, весьма наглядно демонстрирующий сколь высоким к концу срока пребывания в России был уровень владения Кодаю русским языком. И достигнут он был без какого-либо специального обучения языку, без словарей и учебников.

Как уже отмечалось, для объективной оценки уровня владения Кодаю русским языком чрезвычайно важны и письменные свидетельства тех его современников, кто непосредственно общался с ним в ту далекую эпоху и слышал его русскую речь. С этой целью исследователям еще предстоит внимательно изучить архивные документы и переписку таких знавших Кодаю людей, как Кирилл Густавович Лаксман; его сын, Адам Кириллович; статс-секретарь Екатерины Второй – Александр Андреевич Безбородко; граф Александр Романович Воронцов и многих других, в чьих дневниках и письмах вполне могут встретиться такого рода оценки. Да и в дневниках или переписке самой Императрицы Екатерины Второй мы не исключаем возможности отыскать упоминание о встречах с Кодаю. На сегодняшний же день мы располагаем письменным свидетельством лишь единственного человека, который встречался и беседовал с Кодаю на русском языке. Речь идет о французском ученом Жан-Батисте Лессепсе, опубликовавшем в Париже в 1790 году книгу “*Journal historique du voyage de M. de Lesseps,*” переизданную в 1801 году в Москве под названием “**Путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири,**” в которой он на девяти страницах описывает свою встречу с Кодаю в Нижнекамчатске 11 февраля 1788 года, т.е. на пятом году пребывания Дайкокуя Кодаю в России. Вот как оценивает Лессепс уровень владения Кодаю русским языком:

“Он говорит по-русски достаточно хорошо, чтобы его понимать; однако, беседуя с ним, необходимо привыкнуть к его произношению; он выражается чрезвычайно быстро, так, что иногда теряется сказанное или же изменяется его смысл. Его реплики всегда живы и непринужденны; он никогда не скрывает свои мысли и очень откровенно говорит обо всех. Его общество приятно, а настроение всегда ровно...” (перевод наш, - И. Б.)(7, стр. 208-209).

Как видно из процитированного отрывка, французский ученый, несмотря на скороговорку Кодаю, весьма высоко оценивал его уровень владения русским языком. Что же касается произношения, которое, по видимому, действительно было далеко от совершенства, то в “оправдание” японского моряка приведем слова академика Л. В. Щербы, в одной из своих работ заметившего: “...даже изошренное ухо слышит не то, что есть, а то, что привыкло слышать применительно к ассоциациям собственного мышления”(8, стр. 138).

Если же судить по объёму и качеству той информации о Японии (7, стр. 3-11), которую получил Лессепс от Кодаю на русском языке во время столь непродолжительной встречи, то можно смело утверждать, что уже в этот

период он довольно свободно владел русским языком, а его словарный запас позволял ему беседовать практически на любую тему.

Кстати, об информации. “**Хокуса бунряку**” – это прежде всего книга воспоминаний Дайкокуя Кодаю о России, построенная из множества информационных блоков, каждый из которых представляет собой описание определенного события, предмета или явления. Языковая структура этих информационных блоков, несмотря на то, что книга написана на японском языке, также отражает постепенный прогресс Кодаю в русском языке. В начале повествования, когда речь идет о первом годе пребывания японских моряков на Амчитке, информационные блоки содержат в себе исключительно визуальные наблюдения, дополняемые иногда личными впечатлениями или домыслами Кодаю, например:

а) “У них были темно-красные лица и короткие бороды, волосы торчали во все стороны, ноги – босые. Одежда их, сделанная из скрепленных вместе птичьих перьев, едва покрывала колени. На плечах они несли палки. К каждой палке привязано по четыре-пять диких гусей. Встретившись с ними, было трудно понять, люди это или черти”(2, стр. 57).

б) “В кладовой хранились припасенные к зиме груды вяленой рыбы, вяленых гусей, уток и т.д., и поэтому стояло такое зловоние, что нельзя было терпеть”(2, стр. 63).

Но когда речь идет о третьем, четвертом и последующих годах пребывания японцев в России, т.е. о второй половине срока проживания на Амчитке, о жизни на Камчатке, в Иркутске или Петербурге, информационные блоки, помимо визуальных наблюдений, содержат в себе уже и дополнительную информацию, явно почерпнутую Кодаю из бесед, расспросов или рассказов русских людей, что подтверждается и наличием в тексте языковых конструкций типа: “**говорят, что,**” “**рассказывают, что**” и др. А это свидетельство знания языка и активного его использования как инструмента получения информации:

а) (о Амчитке): “По форме эти листья похожи на ю к и н о с и т а, темно-зеленого цвета. Их сушат и заготавливают впрок, они не меняют цвета в течение нескольких лет. ...**Говорят, что** в отваре из этой травы можно варить рыбу”(2, стр. 102).

б) (Якутск): “Ею же (муфтой, - И. Б.) защищают от мороза и лицо, закрывая нос и нижнюю часть, так что остаются открытыми только глаза. **Говорят, что** если этого не делать, то щеки от мороза воспаляются и отваливаются, как выщербленные”(2, стр. 108).

в) (Санкт-Петербург): “В Петербурге в усыпальнице есть небольшой домик, в котором хранятся сделанные руками Петра лодка, корабельные снасти, а также пила, топор, долото и другие вещи. **Говорят, что** там же находится и просмоленная веревка, которой он убил наследника”(2, стр. 234).

г) (Санкт-Петербург): “**Рассказывают, что** куда бы ни поехал человек, имеющий ее (золотую медаль, - И. Б.), не только в самой России,

но и в принадлежащих ей странах, с ним обращаются почтительно”(2, стр. 83).

А теперь — об **объеме словарного запаса** Кодаю как главном показателе уровня его речевой компетенции на русском языке.

В современной учебной лексикографии существуют такие понятия как **словарь-минимум**, который определяется как “совокупность слов, являющихся основой обучения неродному языку на определенном этапе” (9, стр. 63) и **лексическое ядро** — “минимальная в количественном отношении совокупность наиболее употребительных и коммуникативно важных слов, которая является достаточной для того, чтобы язык мог использоваться в качестве средства общения”(10, стр. 63). Для русского языка словарь-минимум начального этапа обучения определен в количестве **1000-1500** слов (10, стр. 59; 11, стр. 125), а лексическое ядро составляет **2500-2800** единиц (12, стр. 9; 13, стр. 56). Объем же **активного словарного запаса** “среднего носителя русского языка,” по данным различных исследователей, колеблется от **3000** до **10000** слов, в зависимости от принципов, лежащих в основе его определения, уровня образования индивида, его социального статуса, профессиональной деятельности и многих других факторов. Но чаще всего в лексикографических работах, посвященных этой проблеме, приводится цифра **7000-8000** (10, стр. 58; 14, стр. 113 и др.).

Сколько же русских слов знал Кодаю? По нашим предварительным подсчетам, которые еще нуждаются в дополнительной проверке с учетом всех тех соображений, о которых говорилось ранее (т.е. составление выверенного сводного списка русской лексики, восстановление исходных форм всех лексем, расчленение словосочетаний и развернутых разговорных конструкций на составляющие их лексические единицы и т. п.), Дайкокуя Кодаю **активно владел словарным запасом** объемом в **3000-3200** лексических единиц. Сюда входит:

1. Лексика, включенная в XI главу подназванием “**Язык**” в “**Хокуса бунряку**”(1261 словарная статья). Примерно четвертая часть этого словаря представлена развернутыми речевыми конструкциями (словосочетаниями, выражениями, штампами речевого этикета и т.п.), что даже с учетом повторяемости содержащихся в них лексических единиц увеличивает объем словника до **1500-1600** лексем.

2. Почти 900 русских слов, встречающихся в предыдущих главах данной книги, из которых 20%, по подсчетам В. М. Константинова (2, стр. 394), также впоследствии повторяются в главе “**Язык**.” Следовательно, мы вправе говорить лишь о **700-750** лексических единицах.

3. **112** русскоязычных обозначений предметов (монет, посуды, одежды, утвари и т.п.), изображенных на иллюстрациях, которые включены в текст рукописи “**Хокуса бунряку**,” точнее — приведены в качестве приложения к ней (См.: 2, “Иллюстрации”). По нашим подсчетам, из них повторяется примерно шестая часть, т.е. 15-17%.

4. 177 русскоязычных топонимов, урбанонимов, гидронимов (наименования городов, деревень, рек и т.п.), разбросанных по тексту рукописи, которые имели для Кодаю в тех условиях актуальную коммуникативную значимость.

5. 179 антропонимов в “**Росия мондзисю**” (имена, отчества и фамилии русских людей, включая представителей царской династии с обозначением их родственных отношений). Но поскольку 90% этих антропонимов являются двух-, трех и даже четырехчленными (**Анна Ивановна, Буш Осип Иванович, Мусин-Пушкин Апполос Апполосович** и т.п.), общее их количество возрастает до **350-400** единиц, и они также были для Кодаю коммуникативно значимыми русскими словами. Заметим, что в “**Хокуса бунряку**” количество персоналий неяпонского происхождения составляет, по нашим данным, 131 человек.

6. Другие имена собственные или нарицательные, которые встречаются и в “**Хокуса бунряку**,” но в “**Росия мондзисю**” представлены более полно и системно: названия букв русского алфавита — “аз,” “буки,” “веди,” “глаголь,” “добро,” “есть,” “живете,” “земля” и т.д. (всего 31); наименования соборов и церквей Иркутска (10); названия народов Российской империи (55), включая определения типа: “народ,” “поколение,” “наречие”; перечень воинских званий (23); список церковных должностей (6); наименования знаков зодиака (12), месяцев (12), дней недели (7) и т.п.

7) Примерно **50-60** русских слов, которых нет в “**Хокуса бунряку**,” но которые встречаются в “**Росиа бэнго**,” “**Росиа киго**” или “**Росиа горуй**.”

Следовательно, Кодаю владел словарным запасом, по объему превышающим лексическое ядро русского языка и лишь в 2 раза меньшим, чем активный словарь “среднего носителя русского языка” сегодня. Конечно же, по своему лексическому составу эти словари несопоставимы: лексика наиболее частотная и актуальная в наше время и во времена Кодаю — далеко не совпадает. Но количественные показатели также весьма красноречивы.

Кроме того, мы обязаны учитывать и тот факт, что писались все эти словари уже после возвращения Кодаю из России, т.е. вне русской языковой среды, по памяти, а значит, что-то он уже успел забыть, что-то упустил. Окружение и коммуникативная ситуация помогают, подсказывают, не позволяют забывать. Точно так же было в жизни и с Кодаю. Почти наверняка можно утверждать, что на самом деле он знал, как минимум, на 30-40% русских слов больше, чем ему удалось вспомнить, уже находясь в Японии. Помимо этого, как и у каждого человека, владеющего иностранным языком, словарный запас Кодаю делился на две части: **активный**, который и вошел в вышеназванные словари, и **пассивный**, то есть слова, которые он понимал, но не использовал в своей речи, а поэтому не достаточно хорошо запомнил и не включил в свои словари. Исследователи утверждают, что пассивный лексический запас

индивида, как правило, в 2-3 раза превышает объем его активного словаря (10, стр. 58; 15, стр. 59).

Не стоит забывать и о том, что Кодаю усваивал главным образом базовую **непроизводную лексику** русского языка: соотношение между **непроизводными** (немотивированными) и **производными** (мотивированными) лексическими единицами в словаре **“Хокуса бунряку”** составляет примерно **2 : 1**, тогда как в целом по русскому языку это соотношение имеет обратные пропорции — **1 : 9**, то есть, практически **90%** русских слов являются производными. Следовательно, можно предположить, что, активно владея, к примеру, глаголом **“писать,”** включенным в словарь, Кодаю вполне мог понимать на слух или при чтении такие производные глаголы, как **“переписать,” “подписать,” “записать,” “выписать”** и т.п., которых в его словарях мы не находим.

Таким образом, основываясь на высказанных соображениях, мы можем гипотетически спрогнозировать, что **активный и пассивный словарный запас** Дайкокуя Кодаю на русском языке в целом составлял **6000-9000 лексических единиц**, из которых свыше **3000** входили в его активный запас, и столько же, если не значительно больше, — в пассивный. Эта цифра не покажется слишком завышенной, если не забывать, о том, что в России, то есть в русскоязычной среде, он прожил долгих девять лет, как и о том огромном объеме информации, который представлен в **“Хокуса бунряку”** — книге, достойной именоваться **“энциклопедией русской жизни конца 18 века.”**

Качественный состав русско-японского словаря, включенного в **“Хокуса бунряку”** также весьма разнообразен, полноценен и вполне сопоставим с лексическим ядром русского языка. Естественно, что такое сопоставление, как и в предыдущем случае, довольно условно, однако пропорциональная представленность в русском языке тех или иных частей речи вряд ли существенно изменилась за истекшие два столетия. Сравнение же словаря Кодаю с лексическим ядром русского языка по данному параметру позволяет нам, пусть и весьма условно, оценить как общий уровень владения им русским языком, так и качество его русской речи. Для данного сравнения мы использовали наиболее авторитетный на сегодняшний день в России комплексный учебный словарь под редакцией В. В. Морковкина **“Лексическая основа русского языка”**(12), включающий в себя в качестве одной из составных частей лексическое ядро русского языка, насчитывающее почти столько же слов, что и словарь в **“Хокуса бунряку”** — **2500** лексических единиц. Результаты сравнения приводятся в таблице: (См.: стр. 221)

Приведенные в таблице данные довольно наглядно свидетельствуют о **лексической полноценности** словаря Кодаю и его **качественной достаточности** для грамматического и синтаксического построения любых речевых конструкций на русском языке. Однако говорить о совершенстве владения Дайкокуя Кодаю русским языком было бы с нашей стороны, по крайней мере, не объективно. Мы практически ничего не

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЕКСИКИ ПО ЧАСТЯМ РЕЧИ

Словарь в “Хокуса бунряку”	Лексическое ядро в комплексном учебном словаре “Лексическая основа русского языка”
Имена существительные: 74%	Имена существительные: 49%
а) абстрактные: 19%	а) абстрактные: 53.5%
б) конкретные: 81%	б) конкретные: 46.5%
Имена прилагательные: 10%	Имена прилагательные: 21%
а) качественные: 56%	а) качественные: 42%
б) относительные: 43.5%	б) относительные: 55%
в) притяжательные: 0.5%	в) притяжательные: 3%
Имена числительные: 1%	Имена числительные: 1%
Местоимения: 1.2%	Местоимения: 1.5%
Глаголы: 7%	Глаголы: 19.2%
а) спрягаемые формы: 99.5%	а) спрягаемые формы: 98.8%
б) причастия: 0.5%	б) причастия: 1%
в) деепричастия: -	в) деепричастия: 0.2%
Наречия: 5%	Наречия: 6%
Предлоги: 0.9%	Предлоги: 1%
Союзы: 0.4%	Союзы: 0.5%
Частицы: 0.2%	Частицы: 0.2%
Междометия: 0.1%	Междометия: 0.2%
Категория состояния: 0.1%	Категория состояния: 0.2%
Модальные слова: 0.1%	Модальные слова: 0.2%

можем сказать ни о грамматической правильности его русской речи, ни о его произношении (за исключением беглых замечаний Ж. Б. Лессепа, о которых шла речь выше). Что же касается фонетических ошибок, которые встречаются в написании русских слов в словаре “Хокуса бунряку” и других словарях, то они вполне могут быть отнесены как на счет японской слоговой азбуки – “катаканы,” отнюдь не идеально приспособленной для передаче на письме русских звуков, так и на счет переписчиков рукописи, не владевших русским языком. Но некоторые наблюдения, касающиеся семантической стороны русской речи Дайкокуя Кодаю, нам вполне доступны.

В свое время, осуществляя эксперименты по определению обучающего потенциала русской языковой среды в целом и исследуя ее влияние на процесс самостоятельного расширения иностранными студентами их

словарного запаса в частности (что и обусловило впоследствии наш интерес к феномену Дайкокуя Кодаю), мы обратили внимание на тот факт, что значительное количество (от 4 до 12%) самостоятельно усваиваемых из языковой среды русских слов семантизируется ими неверно, полностью или частично (16, стр. 101-103).

Чаще всего ошибки допускались при семантизации имен существительных с абстрактным значением, глаголов и качественных имен прилагательных. Естественно, что знакомясь со словарями Кодаю, мы также обратили внимание на эту характерную закономерность. По нашим подсчетам, количество семантических неточностей в словаре “Хокуса бунряку” составляет 16-18%. Сразу же оговоримся, что речь не идет о “стопроцентных” ошибках при переводе русских слов на японский язык — подобных случаев не так уж и много — 2-3%, и они не могли оказать какого-либо существенного влияния на правильность русской речи Кодаю в целом. Кроме того, многие из них, как и фонетические погрешности, также могут быть отнесены на счет переписчиков, о чем говорил в одной из своих работ В. М. Константинов (2, стр. 399-400). Речь идет именно о семантических неточностях. Но так как этой проблеме посвящена написанная нами довольно подробная статья, которая в ближайшее время должна появиться в очередном номере журнала “Научный вестник,” издаваемом в университете Тэнри, то здесь мы лишь кратко затронем данный вопрос, остановившись на самых ярких и типичных примерах, а тех, кто заинтересуется этой проблемой более детально, отсылаем к указанной публикации.

1. Наиболее простыми и интересными примерами семантических неточностей при переводе русских слов на японский язык являются случаи, когда из-за отсутствия соответствующей реалии у себя на родине, а соответственно, и в родном языке, Кодаю был вынужден использовать описательное толкование безэквивалентного русского слова или же подыскивать обозначаемому этим словом предмету, явлению, понятию какой-нибудь аналог из японской действительности:

а) уоцука (водка)	美酒	б и с ю (хорошее сакэ)(стр. 292)(Здесь и далее указан лишь номер страницы по книге “Хокуса бунряку”(2))
б) бино (вино)	粗酒	с о с ю (плохое сакэ)(стр. 292)
в) пива (пиво)	濁酒	д о к у с ю (мутное сакэ)(стр. 292)
г) гаусто (галстук)	謹領	э р и м а к и (нашейный шарф) (стр. 290)
д) сяравари (шаровары)	袴	х а к а м а – (штаны вроде наших “момохики”)(стр. 290)
е) акурицэро (офицер)	士人	с а м у р а й (стр. 273)
ж) бофу (бог)	佛	х о т о к э (будда)(стр. 271)
з) бохоматэри (богоматерь)	佛母	б у ц у м о (мать будды)(стр. 271)
и) никорай (Николай)	神僧	с и н с о (святой)(стр. 271)

2. Определенное количество семантических неточностей, а точнее — их специфику, можно объяснить, учитывая личность Кодаю: его социальный статус, вероисповедание (последнее ярко проявилось в предыдущих примерах), профессию и т.п.

В частности, в отличие от В. М. Константинова (переводчика “Хокуса бунряку” на русский язык), который перевод Кодаю русского слова “погода” японским словом 風 **к а д з э** (ветер) объясняет тем, что “слово “погода” в Сибири и на Волге употребляется в смысле “ветер,” “ветренная погода”(2, стр. 376), нам представляется, что решающую роль в данном случае сыграла его профессия моряка, а не сибирский диалект. В словаре В. И. Даля, кстати, подобного значения у слова “погода” мы не находим. А вот в профессиональном арго русских моряков слово “погода” в значении “ветер” сохраняется и сегодня.

Для Кодаю, как капитана корабля, а тем более парусного, наиболее важным элементом погоды среди всех ее составляющих факторов (дождь, снег, туман и пр.) был конечно же ветер. Не поэтому ли почти во всех выражениях и словосочетаниях, содержащих в себе слово “погода,” которые мы находим в “Хокуса бунряку,” ощущается морская тематика, и Кодаю настойчиво продолжает переводить его на японский язык как “кадзэ,” хотя русское слово “ветер,” если судить по “Росиа бэнго”(17, стр. 2), ему также хорошо было известно:

- | | | |
|---|----------|--|
| а) бокода (погода) | 風 | к а д з э (ветер)(стр. 263) |
| б) богода идо
(погода идет) | 風が吹 | к а д з э-га ф у к у (дует ветер)
(стр. 306) |
| в) нака бокода будзэцу
(однако погода будет) | 風が吹くであらふ | к а д з э-га ф у к у д э а р о
(пожалуй, будет ветер)(стр. 306) |
| г) бокода пэрэхитари
(погода перестала) | 風が止 | к а д з э-га я н д а
(ветер перестал)(стр. 306) |
| д) бокода кэрэпука
(погода крепка) | 風が強ひ | к а д з э-га ц у ё й (сильный ветер)
(стр. 306) |
| е) покода унисэрэ (!, - И. Б.)
(погода унесла) | 漂流 | х ё р ю, ф у к и н а г а с а р э
(!, - И. Б.)(унесенные ветром,
морем; дрейф)(стр. 309) |

3. Довольно значительное количество случаев семантических неточностей может быть объяснено путем гипотетического моделирования коммуникативных ситуаций, в которых могли усваиваться Кодаю данные русские слова. Типичный пример подобного моделирования ситуации мы встречаем в комментарии В. М. Константинова к XI главе “Хокуса монряку”:

- | | | |
|---------------------|---|------------------------------|
| а) пудзури (пузырь) | 胃 | и (желудок)(стр. 277) |
|---------------------|---|------------------------------|

“Кодаю желудок называл пузырем; можно полагать, что это объясняется тем, что впервые он увидел желудок на пузырьных окнах, т.е. на оконницах, обтянутых желудком или брюшиной, которые в этом случае называются пузырем, отсюда и “пузырные окна”(2, стр. 378). От себя добавим, что чаще всего для этих целей в России использовались все-таки не желудки и брюшина, а именно воздушные пузыри крупных рыб или мочевые пузыри убитых животных (коровы, свиньи, оленя, моржа и т.д., в зависимости от местности), поскольку они были более прозрачными.

Наиболее характерные примеры того, как коммуникативная ситуация обусловила семантическую неточность при усвоении и последующем переводе на родной язык русских слов, следующие:

- | | | |
|-----------------------|---------|---|
| б) дзэнинсю (женщина) | 娘 | ёмэ (невеста)(стр. 274) |
| нэуэсута (невеста) | 娘 野蛮な呼び | то же, но вульгарно (стр. 274) |
| в) гарукай (гаркай) | 呼 | ёбу (хито-о ёбу)(позвать кого-либо)(стр. 280) |
| борусяй гарукай | 聲を立て呼 | коэ-о тататэ ёбу |
| (больше гаркай) | | (звать громким голосом)(стр. 280) |
| г) нэкога (никого) | 留守 | русу (не быть дома, отсутствовать)(стр. 320) |

В первом случае Кодаю, по-видимому, стал свидетелем того, как на шутливое обращение или приветствие типа: “Здравствуй, невеста!” молодая или еще совсем юная девушка засмушалась, покраснела, отвернула лицо и т.п., что вполне типично для данной ситуации. Но Кодаю оценил эту реакцию смущения по-своему: он подумал, что слово “невеста” – грубое и поэтому оскорбило девушку. Не исключена и другая ситуация: Кодаю мог впервые услышать данное слово в составе фразеологизма “христова невеста,” которым издавна на Руси называли монахинь и глубоко набожных девушек, отказывавшихся от замужества. Но использование такого определения по отношению к самой обычной девушке, которая, к примеру, резко отвергла чьи-то настойчивые заигрывания, вполне могло оскорбить ее и послужить причиной подобной стилистической оценки Кодаю, наблюдавшего ситуацию, семантики данного слова.

Второй пример с глаголом “гаркать,” переведенным как “ёбу”(звать), еще более “прозрачен”: по всей видимости, Кодаю было велено позвать своих товарищей, находившихся вдалеке, по-японски, но при этом отдающий распоряжение русский по привычке (наверное, это был кто-то из офицеров или солдат) употребил грубое разговорное слово “гаркать” (“резко и грубо говорить или кричать,” - И. Б.).

Косвенным подтверждением нашей версии является и то, что в обоих зафиксированных в словаре примерах этот глагол приведен в форме повелительного наклонения – “гаркай.”

Третий пример со словом “никого,” переведенным Кодаю как “**р у с у**” (не быть дома), настолько явно указывает на ситуацию его усвоения и причину семантической неточности при переводе, что в комментарии не нуждается.

4. Чаще всего семантические ошибки при усвоении Кодаю русских слов происходили из-за смешения им иноязычных наименований предмета и его качества, предмета и его признака, предмета и его функции, целого предмета и его составной части, т.е. своего рода переноса по смежности. В качестве примера смешения наименований предмета и его качества можно привести перевод Кодаю русского имени прилагательного “жирный” японским существительным “**н и к у**”(мясо):

а) **дзируной** (жирный) 肉 **н и к у** (мясо)(стр. 277)

О смешении наименований предмета и его признака свидетельствует пример с русским словом “сукно,” дважды встречающимся в словаре “Хокуса бунряку,” при этом в первом случае его перевод на японский язык дан правильно, а во втором нет:

б) **сукуно** (сукно) 羅紗 **т а р а н и, р а с я** (стр. 291)
 в) **сукон** (?) 紺 **к о н** (тёмно-синий)(стр. 292)

В данном случае — налицо две причины, которые ввели Кодаю в заблуждение. Во-первых, это чисто звуковое сходство слова “**сукно**” с японским словом 紺 “**к о н**”(темно-синий). И во-вторых, непосредственное смешение наименований материала и его признака, в данном случае — цвета. Дело в том, что легкие весенне-осенние полушубки мещан и повседневная военная форма солдат и офицеров России того времени (в частности, казаков) шились из сукна именно темно-синего цвета (18, стр. 80; 18, стр. 86; 19, (иллюстрация №1)). Вполне реальной представляется ситуация, когда на вопрос Кодаю “это тёва?,” желавшего узнать, как по-русски называется темно-синий цвет, и указавшего пальцем на темно-синюю форму солдата, тот ответил: “Это? – Сукно.”

Очень красноречивы и примеры смешения Кодаю русскоязычных наименований предметов с их функциями, которые также можно оставить без комментариев:

г) **бэдзумэния** (безмен) 衡 **х а к а р у** (взвешивать)(стр. 284)
 д) **сэнакоси** (сено коси) 鎌 **к а м а** (серп, коса)(стр. 284)
 е) **горусу** (голос) 咽 **н о д о** (горло)(стр. 275)
 ж) **титики** (титьки) 乳 **т и** (молоко)(стр. 275)
 (“**титьки**” — “женская грудь,”- И. Б.)

явно указал на солнце, находящееся в зените, но поскольку на севере даже в полдень солнце в небе расположено невысоко, Кодаю, вероятно, расценил направленную на солнце руку как обозначение южной стороны света.

И тем не менее, мы должны подчеркнуть, что, несмотря на все приведенные выше примеры семантических неточностей при переводе русской лексики на японский язык, Кодаю отличался чрезвычайной наблюдательностью и способностью к языкам. Продемонстрируем это лишь на одном, но весьма характерном примере: далеко не каждый носитель русского языка в своем языковом сознании может произвести этимологически верный анализ слова “ноздри,” расчленив его на составные части “нос” и “дыры.” Кодаю же это подметил и отразил в анализируемом нами словаре:

носуи (нос)

дэра (дыра)

х а н а (нос)(стр. 274)

х а н а н о а н а (ноздри)(стр. 274)

Конечно, и здесь не обошлось без “подсказки” со стороны родного языка Кодаю, в котором это слово также состоит из двух корней (х а н а – “нос” и а н а – “дыра”), но провести подобное этимологическое межъязыковое сопоставление могут далеко не все, тем более, что в русском языке расчленение слова “ноздри” на две корневые морфемы и их последующая идентификация с производящими основами затруднены значительными фонетическими отличиями.

Выдающимися лингвистическими способностями обладал и сам автор рукописи “Хокуса бунряку” – Кацурагава Хосю, врач по профессии. Его самостоятельный и исключительно точный историко-этимологический анализ семантики русского слова “немец” заслуживает с научной точки зрения самой высокой оценки (2, стр. 138).

Поскольку ответ на главный вопрос, вынесенный нами в заглавие статьи, очевиден и может быть только положительным, мы не станем повторять те выводы, которые уже были сделаны нами после рассмотрения каждого из аспектов исследуемой в данной работе проблемы.

В заключение нам хотелось бы лишь подчеркнуть, что все составленные при участии Дайкокуя Кодаю словари, представляют собой чрезвычайно богатый и интересный материал не только для историков и лингвистов, которые уже отдали ему определенную дань, но и для специалистов в области преподавания иностранных языков, педагогов, психологов и психолингвистов.

Мы хотели бы также выразить нашу искреннюю признательность профессору Университета Хитоцубаси **Накамуре Ёсикадзу**, консультировавшему нас при написании данной статьи по целому ряду вопросов и практически открывшему для нас в свое время имя Дайкокуя Кодаю, профессору **Кавая Таданобу**, любезно предоставившему в наше распоряжение все материалы о Кодаю, которые имеются в его личной библиотеке, и сделавшему немало ценных замечаний по содержанию

статьи, и нашему коллеге по работе в Университете Тэнри Хино Такао, помогавшему нам во всех трудных ситуациях, возникавших в связи с нашими весьма скромными познаниями в японском языке, и фактически ставшему нашим соавтором.

Литература

- 1 В. Э. Раушенбах, Краткий обзор основных методов преподавания иностранных языков с I по XX век (М., 1971).
- 2 Кацурагава Хосю, Краткие вести о скитаниях в северных водах [“Хокуса монряку”] (М., 1978).
- 3 О. П. Петрова, Коллекция книг Дайкокуя Кодаю и ее значение для истории русско-японских культурных связей [История, культура и языки народов Востока] (М., 1970).
- 4 Ясуси Иноуэ, Сны о России (М., 1977).
- 5 И. Н. Горелов, Невербальные компоненты коммуникации (М., 1980).
- 6 Н. Н. Миклухо-Маклай, Путешествия на берег Маклая (М., 1956).
- 7 J.-V. Lesseps, *Journal historique du voyage de M. de Lesseps* (Paris, 1790).
- 8 Л. В. Щерба, Избранные работы по русскому языку (М., 1957).
- 9 В. В. Морковкин, И. М. Курочкина, О страноведческом потенциале лексического ядра современного русского языка [Словари и лингвострановедение] (М., 1982).
- 10 П. Н. Денисов, В. В. Морковкин, М. А. Скопина, О лингвистическом аспекте отбора лексики [Вопросы обучения русскому языку иностранцев на начальном этапе] (М., 1976).
- 11 В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова, Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам (М., 1978).
- 12 В. В. Морковкин (ред.), Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь (М., 1984).
- 13 О. Д. Митрофанова, Научный стиль речи: проблемы обучения (М., 1985).
- 14 Э. Вюстер, Интернациональность научных обозначений (к теории вопроса) [Интернациональные элементы в лексике и терминологии] (Харьков, 1980).
- 15 И. П. Слесарева, Художественный текст в практическом курсе русского языка [Теория и практика обучения русскому языку иностранных студентов-филологов] (М., 1984).
- 16 И. П. Бондаренко, Роль языковой среды при овладении русским языком (Лексический аспект) (Одесса, 1987).
- 17 К. Камэи, С. Мураяма, Ё. Накамура, Россия бэнго [Русский словарь] (Токио: Кондо, 1972).
- 18 Русский костюм, Выпуск 2 (М., 1961).
- 19 Кацурагава Хосю, Хокуса бунряку [Краткие вести о скитаниях в северных водах] (Токио, 1988).